

ТЕХНИКА КУЗНЕЧИКА

Художник Беляшин предпочитает летать во сне, а не на дельтаплане

Леонид Лернер

Когда-то я встречал Костю Беляшина на ярмарке в Измайлово. Мальчик с копной каштановых волос и смешной бородкой, выпускник Художественного училища 1905 года неохотно расставался со своими полотнами. Между тем у него уже были поклонники: физик-ядерщик, каждое воскресенье покупавший у Кости по картине, известный архитектор – один из авторов высотки МГУ, шеф-повар ресторана "Славянский базар"...

ЛЮБИТЕЛЕЙ ЖИВОПИСИ ПРИТЯГИВАЛ беляшинский романтизм: на холстах жили странные, но узнаваемые звери, растения, насекомые, и среди них сам художник в образе задумчивого, неизменно грустного юноши. Кто-то из иностранцев вывез уличного художника Беляшина в Европу, где у него состоялось уже с десяток выставок – в Германии, Дании, Швеции, Норвегии... И вот он вернулся.

Я пришёл в галерею "Рама – Арт" и, увидев картины Беляшина, понял, что взгляд на мир у него остался прежним. Только сам он на своих полотнах, вернее его герой, повзрослел, и я невольно вспомнил слова режиссёра Таирова: "Человек взрослеет – это драма". Картины его теперь не такие яркие (зато словно светятся изнутри каким-то зага-

дочным светом). Из старых работ на выставке представлена только одна – "Двор моего детства", с которой Беляшин не расстанется.

– "Детское живёт в человеке до седых волос", – говорит Константин. – Это сказал Александр Грин. Двора моего детства давно уже нет. И вот однажды я написал картину, которая напоминает о нём, сохраняя во мне веру, надежду и любовь. Картина эта прошла со мной через все мои мытарства. Благодаря ей, когда бывает трудно или когда одолевают дьявольские соблазны, я возвращаюсь в лучшие свои времена – в те, о которых взрослая люди забывают и тогда, по сути, перестают жить.

Константина Беляшина называют "последним романтиком". И в самом деле, этот исчезающий вид художника уже редко встретишь на московских вернисажах. Понимая, что стоит особняком, Беляшин вовсе не стремится выставляться с другими художниками. Вот и здесь, в "Рама – Арт", он снова в гордом одиночестве.

– У тебя множество крылатых образов: пчёлы, бабочки, кузнечики... Даже у людей крылья за плечами.

– Ощущение полёта – это же счастье! Впрочем, сам я предпочитаю летать во сне, а не на дельтаплане. Никакой техники – всё только от Бога.

Иные персонажи пришли прямо из детства. Например, "Паучок". До сих пор я представлял пауков хмурыми и зловредными – такими, как в "Мухе-цокотухе". Но от Паучка Кости Беляшина можно ждать только добра, и я догадываюсь: вероятно, это тот, что приносит письма. Что касается "Кузнечика Генриха"...

– Я ведь родился в Абрикосовском переулке, что рядом с Ново-Девичьим монастырём. Часто ходил с сачком в Ново-Девичий, там летом цвели настоящие луга с густыми травами и цветами, с бабочками и кузнечиками. Из бабочек я создал неплохую коллекцию, а "пленные" кузнечики жили со мной, мамой и бабушкой. Один, по имени Генрих, прожил у нас с августа по февраль! Я кормил его хлебом и сахаром... А теперь он живёт на картине, в некотором царстве-государстве, опять под своим именем, и смерть ему не страшна.

Беляшин вздыхает, глядя в даль, быть может, во Двор Своего Детства, где впервые появился его Мальчик-рыцарь.

– О чем грустил тот Мальчик? – спрашиваю я.

– Помнишь, у Хемингуэя? "Я лежу на африканской траве и грущу по Африке". Мальчик грустил о том, что детство скоро пройдёт.

– Итак, детство кончилось. О чем же ты грустишь сейчас?

Художник показывает на одну из последних картин – "Воспоминание о Лете".

– Я писал её, томясь прошлым, но в предвкушении Лета. Для меня ведь не существует настоящего – только прошлое и будущее.

Тут Костя немного лукавит. Есть и настоящее. Я долго стою перед картиной, на которой изображены самые настоящие "Лев, Водолей и Скорпион" – автопортрет художника с женой и сыном. ■

